

УДК 811 161.1=111

ББК 81.2

P-98

Рядчикова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Кубанского государственного университета, т.: (861)253-38-54;

Схаляхова Саида Шамсудиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Майкопского государственного технологического университета, т.: (8772) 571239;

Телегина Ольга Владимировна, старший преподаватель Сочинского филиала МАДИ (ГТУ), соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Кубанского государственного университета, т.: (861)253-38-54.

МЕНТАЛЬНЫЕ СЛОВА РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Цель – представить обзор научных исследований, посвященных изучению ментальных слов (имен, глаголов) и называнию ментальных состояний в русском и английском языках, а также структуры семантического поля ментальности – ядра, ближней и дальней периферии. Выявляются универсальные и национально-специфичные черты концепта «мысль». Фантазийная специфика мыслительного процесса исследуется на примере языка романа Дж. Ролинг «Гарри Поттер и Орден Феникса».

Ключевые слова: когнитивистика, ментальные имена, ментальные глаголы, семантическое поле ментальности.

Ryadchikova Elena Nicholaevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Kuban State University, tel.: (861) 253-38-54;

Skhalyakhova Saida Shamsudinovna, Candidate of Philology, assistant professor of Foreign Languages Department of Maikop State Technological University, tel.: (8772) 571239.

Telegina Olga Vladimirovna, a senior lecturer of the Sochi branch of MADI (STU), the applicant of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Kuban State University, tel.: (861) 253-38-54.

MENTAL WORDS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The objective is to provide an overview of scientific research on the mental words (names, verbs) and the naming of mental states in Russian and English languages, as well as the structure of the semantic field of mentality - the nucleus, near and far periphery. Universal and national-specific features of the concept of "thought" have been identified. Fantastic specific thought process has been investigated on the example of the language of J. Rowling's novel "Harry Potter and the Order of the Phoenix. "

Keywords: cognitive science, mental names, mental verbs, the semantic field of mentality.

*Мысль! Великое слово! Что же и составляет
величие человека, как не мысль!
Да будет же она свободна, как должен быть
свободен человек...*
А.С. Пушкин.

Когнитивный подход к явлениям языка и речи позволяет утверждать, что слово выступает в качестве базовой единицы картины мира. Еще в XVII в. в «Грамматике общей и рациональной» А. Арно и К. Лансло отразили тенденцию к объяснению фактов языка как ментально обусловленных. В разряд слов, отражающих мысли (т.е. **предметов мысли**), авторы включали существительные, местоимения, прилагательные, наречия, частицы и артикли, а также и привычную комбинаторику, например, неупотребление релятивных местоимений после существительных без артикля. Остальные части речи – глаголы, союзы и междометия – авторы относили к разряду слов, выражающих **способ мысли**, так как они предназначены для обозначения какой-либо сущности (см.: [1:6]. За словом стоит совокупность знаний о называемом им объекте, а значение слова позволяет перекинуть своего рода «мостик» от уровня языка на уровень сознания [2:85]. Одно из наглядных реализаций этого – **ментальные слова** (глаголы, существительные, прилагательные и т.п.), выражающие определенные ментальные состояния и процессы (Достаточно объемный перечень таких слов представлен в словаре В.И. Убийко [3], в докторской диссертации М.В. Пименовой [4]). Ментальным именам с акцентированием квазисинонимов *мысль* и *идея*, выявлением их семантической специфики посвящено исследование И.М. Кобозевой [5]. Под **ментальными именами** исследователь понимает существительные, относящиеся к ментальному полю; большинство из них связаны семантическими корреляциями с предикатами ментальных действий состояний и способностей. При этом подчеркивается первичность ментальных глаголов: у большинства исследователей не вызывает сомнения, что ментальные имена семантически производны по отношению к ментальным предикатам [5:97].

Впервые системное сопоставление ментальных глаголов английского и русского языков (по морфологическим, синтаксическим и семантическим признакам) было проведено сравнительно недавно, в 1995 году (см. [6:4]). В 2007 г. появилась

кандидатская диссертация, посвященная сопоставлению концептов *ум* и *глупость* в немецкой и английской языковых картинах мира [7].

«Под **ментальными глаголами** понимаются глаголы умственной (ментальной) активности и ментального состояния (ср.: русский: *знать, думать, размышлять, одобрять, полагать, винить*; английский: *think* «думать», *believe* «верить», *comprehend* «понимать», *estimate* «оценивать», *know* «знать», *remember* «помнить»). Ментальные (ср.: англ. *mental* «умственный, производимый в уме, мысленный») глаголы рассматриваются в пределах конструкций, т.е. типовых предложений, в составе которых они выступают в качестве сказуемых или компонентов сложного сказуемого, напр. в сочетании с модальным глаголом (ср.: Ты *должен вспомнить* адрес), безотносительно к их залоговой форме» [6:3]. Исследователь называет такие **ментальные состояния**, как *вера, виновность, одобрение, прощение, враждебность, восхищение, уважение, презрение, воображение, стремление, разочарование, знание, убеждение, память* [6]. Е.А. Красина, опираясь на идеи Дж. Сёрля, перечисляет следующие ментальные состояния: *желание, намерение, цель, решение* [8:99]. (О языковом выражении ментальных состояний-оптативов см. [9]; [10]) Очень детально концептуализация ментальных актов и состояний в русском языке исследуется в диссертационной работе Е.П. Плива [11].

Е.Н. Руденко глаголы мышления подразделяет на 4 семантических класса с условно обозначенной обобщающей семантикой '*думать*', '*разбираться*', '*определять*', '*создавать*', в рамках которых выделяет ряд групп и подгрупп [12:140]. Исследователь представляет наиболее существенные структурные связи семантического окружения обозначений мыслительных процессов в русском языке следующим образом:

ПРОЦЕСС	СОБЫТИЕ	СОСТОЯНИЕ	КАУЗАТИВ
'создавать'	'изобрести'		
		'мечтать'	
		'намереваться'	
'думать'	'решить'	'полагать'	'доказывать'
		'сомневаться'	
'гадать'	'догадаться'	'догадываться'	

'разбираться'	'понять'	'понимать'	'объяснять'
'определять'	'узнать'	'знать'	'учить'
'узнавать'			
'запоминать'	'запомнить'	'помнить'	'напоминать'
'вспоминать'	'вспомнить'		

В.Г. Гак отмечает, что семантика всех лексических единиц, соотносящихся с понятием «мыслить», образует **семантическое поле ментальности**. Оно нечетко очерчено, но имеет достаточно четкое ядро, в котором в русском языке находится глагол *думать* и существительное *мысль*, соответственно в английском языке *to think* и *thought*. У названных глаголов словари выделяют следующие значения: 1) мыслить, размышлять; 2) иметь мнение; 3) полагать, считать, предполагать; 4) намереваться, собираться делать что-либо, замыслить; 5) представлять себе, воображать; 6) подозревать; 7) помнить о; 8) рассчитывать; 9) заботиться [13:23-24].

В классификацию слов, называющих ментальные акты и состояния человека, составленную В.Г. Гаком, Е.П. Плива вносит ряд изменений. Исследователь считает, что в нее можно включить слова, связанные с нарушением ментальной деятельности, а также группу слов, условно названную «мыслительными органами» человека, метонимические номинации частей тела, с которыми связан процесс мышления – *ум, мозг, мудрость, разум, рассудок, интеллект, память*, кроме того – категориально-языковые характеристики слов, связанных с этой сферой: а) существительные, называющие предметные аспекты человеческой ментальности – *сознание, ум, мудрость, память, мысль, идея* и т.д., б) процессуальные аспекты ментальности – *думать, полагать, мыслить, считать, соображать, забывать, припоминать* и т.д.; в) характеризующие человека (или другое живое существо) ментальные параметры – *умный, мудрый, толковый, разумный, сообразительный* и т.д. [11:70-71].

Е.П. Плива полагает, что в русском языке **структура семантического поля ментальности** (семантического поля *мысли*) такова: **ядро** поля, которое составляют значения слов, обозначающих ментальные способности (лексемы *ум, мудрость, рассудок, интеллект, память*, а также *голова, мозги* – как метонимические репрезентанты этих идеальных мыслительных органов), и четыре основных сектора, связанных с ним: 1) виды ментальности; 2) результат реализации ментальной

способности, или продукт ментальной деятельности; 3) модусы ментальности; 4) общая реализация ментальной способности, или процессы мышления. Кроме того, ядру семантического поля ментальности противопоставляется группа слов, объединенная семантическим признаком «нарушение ментальности» [11:71, 74]. В **ближайшую периферию** семантического поля ментальности, по мнению исследователя, входят следующие структурные компоненты: 1) продукт мыслительной деятельности и его свойства как результат ментальной способности человека (существительные *мысль, идея, дума, размышление, мнение*; прилагательные *умный, мудрый, разумный, толковый, сообразительный* и т.д.); 2) модусы ментальности (слова *знать, ведать, считать, понимать, думать* в значении 'иметь мнение', *полагать, находить, мнить, верить, казаться, сомневаться*; глаголы зрительного восприятия *видеть, смотреть, усматривать* в значении 'думать, считать'; 3) виды ментальности: а) обретение информации (слова *узнать, вспомнить, прийти в голову, прийти на ум, взять в голову, не брать в голову, понимать, впитывать, вбирать, переваривать*); б) хранение информации и действия с ней (*припоминать, помнить, отложиться в памяти, храниться в памяти, врезаться в память, отпечататься в памяти, раскидывать по полочкам, порываться в памяти, выудить из памяти* и т.п.); в) утрата сохраненной информации (*забыть, выпускать из памяти, выскочить из головы, запоминать, изглаживаться из памяти стираться в памяти, улетучиваться из памяти*); 4) процессы мышления, которые рассматриваются как общая реакция ментальной способности (глаголы и глагольные сочетания *думать, мыслить, размышлять, раздумывать, соображать, кумекать, раскинуть мозги/мозгами, шевелить извилинами*, а также сочетания с отглагольным существительным *размышление*) [11:72-74]. **Дальнюю периферию** семантического поля ментальности составляют словосочетания, образованные на основе ряда метафорических моделей. Эти модели таковы: ОБРЕТЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ЕСТЬ ОБРЕТЕНИЕ НЕКОЕГО ПРЕДМЕТА ИЛИ ЛЕТАЮЩЕГО СУЩЕСТВА; ОБРЕТЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ЕСТЬ ВПИТЫВАНИЕ ЖИДКОСТИ; ПАМЯТЬ ЕСТЬ ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ МЫСЛЕЙ И ВПЕЧАТЛЕНИЙ; ПАМЯТЬ ЕСТЬ ДОСКА, НА КОТОРОЙ ЗАПОМИНАЕМАЯ ИНФОРМАЦИЯ ФИКСИРУЕТСЯ В ВИДЕ ОБРАЗОВ; СОХРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ЕСТЬ ПИТАНИЕ, ЗАБЫВАНИЕ

ЕСТЬ УТРАТА ИНФОРМАЦИИ ИЗ ХРАНИЛИЩА, ЗАБЫВАНИЕ ЕСТЬ СГЛАЖИВАНИЕ РЕЛЬЕФА, ТЕКСТА ИЛИ ОТПЕЧАТКА НА ДОСКЕ [11:117].

Н.В. Складчикова, Н.В. Гаврилова и Т.А. Логунов полагают, что центральную часть ментального поля в русском и английском языках представляют следующие абстрактные существительные, называющие основные фазы и предпосылки мыслительного процесса:

мысль/идея – *thought/idea*: операция синтеза, связанная с порождением нового знания;

знание – *knowledge*: база мыслительной деятельности;

размышление – *meditation/reflection*;

причина – *cause/reason*;

следствие – *consequence/ effect/ result*: операции анализа, связанные с пониманием;

цель – *aim/ end/ object/ purpose/ goal*: импульс, приводящий в движение мыслительные механизмы [14:140].

Глаголы ментальных состояний способны формировать отдельную культуру. З. Вендлер, опираясь на положение о том, что все связи в тексте формируются глаголами, выделяет две группы:

а) глаголы, не выводящие за пределы реальной культуры – *eat, push, kick*;

б) глаголы, могущие вывести за пределы реальной культуры – *dream, imagine, need, want, look for, plan* [16:235]. (О глаголах ментального состояния см. также: [16])

Помимо своего прямого назначения, глаголы ментального лексико-семантического поля (*думать, верить, полагать* и т.п.) в речи культурных людей принято также использовать для ослабления категоричности, придания ей смягченности, осторожности. В наибольшей степени это характерно для английской речевой культуры, в которой особенно распространены глаголы *believe, think, suppose*. Однако их употребление снижает «степень не только уверенности, но и степень «познания мира» человеком», снижает степень ответственности автора речи за предлагаемую информацию [17:417].

Языковые единицы, описывающие мыслительный процесс, относятся к абстрактной лексике, а это означает, что они должны были подвергнуться вторичной категоризации в языке, «обрасти» вещественными коннотациями, упрощающими

понимание соответствующих концептов [14]. Например, сопоставительное изучение концепта *мудрости* в русском, английском и немецком языках показало, что при определении этого понятия общей является мысль о том, что мудрость – высшее знание, высшая степень ума, причем к уму должен присоединиться жизненный опыт и умение постигать суть явлений, вследствие чего человек как бы поднимается над общечеловеческими страстями [18].

Многие языковые единицы со значением мыслительного процесса в русском, английском и французском языках также обнаруживают сходные образы, коннотации. Согласно определению Ю.Д. Апресяна, коннотациями лексемы называют «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности; они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [19:10].

Так, например, в общем коннотативном поле *воды, водоема, жидкости* находятся английские *thought, idea, knowledge, meditation, cause*; русские *мысль, знание, размышление*. Это позволяет авторам исследований говорить о некоторой индоевропейской универсалии в языковых коннотациях ментальных процессов [14:141-142]. Таким образом, пишут учёные, «при анализе языкового материала был выявлен универсальный фрагмент когнитивного спектра поля мыслительного процесса, что подтверждает данные когнитивной лингвистики о существовании универсальных механизмов и стратегий когниции (В.З. Демьянков), которые отражаются в нормах языкового представления, объективирующего эти особенности восприятия и осмысления и характеризующих черты менталитета» [14:142].

Вместе с тем, помимо универсальных, в отношении концепта «мысль» были выявлены и национально-специфичные черты.

Русская «мысль» на образном уровне имеет пять четко очерченных коннотаций: 1) одушевленное существо, человек, женщина; 2) водоем, жидкость; 3) насекомое; 4) вытянутый заостренный предмет; 5) продукт питания. Мысль ассоциирована с идеей движения, часто хаотичного, нередко воспринимается как внешний объект, чужеродны и с трудом осваиваемый человеком, часто представляется как артефакт [14:141].

«Эпитеты, связанные с мыслью, - пишут ученые-физики В.Ю. Ирхин и М.И. Кацнельсон, - вызывают явные "квантовые", волновые ассоциации: мысль трепещет, дрожит, с трудом сдерживается, блуждает. Ее невозможно схватить, зафиксировать, остановить, так же, как невозможно остановить волну (тогда это будет уже не волна)» [20:335].

Для слова *thought*, представляющего концепт «мысль» в английском языке, выделены следующие образные ассоциации: 1) жидкость, вода, водоем (*deep, swimming thought; to sink in thought, to be deep in thought, to fill in thought*); 2) пространство, вместе с тем мысль сама находится в пространстве (*the thought behind smth., central thought, beyond thought* etc.); 3) некоторый предмет, объект, которым можно обладать, его можно брать, отдавать, собирать и т.д. (*to collect one's thoughts, to compose one's thoughts, to keep thoughts* etc.); 4) четко очерчивается связь мысли с образом текста (устного или письменного); 5) *thought* выступает в качестве живого существа, наделяется человеческими качествами характера: *lazy, idle thought, sure thought, mature thought, careful thought* etc. Вероятно, *thought* может находиться в двух состояниях: существовать самостоятельно как внешний по отношению к человеку субъект, и тогда она стремится подчинить себе человека (в этом состоянии она очень активна и даже агрессивна: *thought strikes, penetrates the mind, occupies the mind*); или же *thought* принадлежит человеку [14:140-141].

Интересным представляется проследить то, как представлены слова мыслительной деятельности в языке художественных произведений.

Нами была изучена фантазийная специфика мыслительного процесса в произведениях Джоан Ролинг о Гарри Поттере, в частности «Гарри Поттер и Орден Феникса». Эту специфику мы видим в ряде следующих аспектов и приемов:

1. Умение придать свойства мыслящего объекта неодушевленным предметам: «Олицетворение – характерный и распространенный стилистический прием для создания волшебства и "оживания" неодушевленных предметов в сказках... Мы имеем дело с обычной машиной, которая попала к волшебнику. Он улучшил ее технические характеристики, применив к ней чары летучести, помимо этого, машина стала сама принимать решения, как и куда ехать в экстремальных ситуациях» [21:74-75]. Происхождение другого артефакта – волшебной «распределяющей шляпы» – не ясно: сделали ли ее таковой или она изначально создавалась как волшебная. Так или иначе,

она думает, поет песни, делает намеки, строит прогнозы, дает советы, проводит невидимые тестовые испытания для того, чтобы распределить учеников по факультетам.

2. Вынесение памяти и мыслей за пределы мозга и их визуализация. *Омут памяти* – «странное хранилище мыслей и воспоминаний» – это не просто хранилище, а динамический процесс – в нем можно принимать участие, окунаться в него, существовать в нем. Омут памяти представляет собой мелкую каменную чашу с резными рунами и символами. При помощи волшебной палочки мысли могут принимать вид материальных объектов, выуживаться из мозга и помещаться на хранение в Омут памяти, а затем извлекаться оттуда. В результате этого процесса даже посторонний волшебник может с ними ознакомиться. Проникновение в Омут памяти также имеет определенную специфику – этот процесс оказывается сродни полёту или падению.

Мысли в волшебном мире имеют цвет, свет, плотность: в Министерстве магии, в Отделе тайн, хранятся в аквариумах, плавают жемчужно-белые комья – мозги, «похожие на скользкие головки цветной капусты». Один из них подвергся волшебному заклятию и взмаху волшебной палочки Рона.

3. Отношение к мыслительной деятельности иных существ — обычных людей или других представителей «возможных миров». У героев «Гарри Поттера» «правильные» мыслительные усилия (даже не очень значительные), ведущие к улучшению жизни, вызывают уважение и восхищение; в больнице для магов на стенах висели портреты выдающихся деятелей; в волшебной школе положительные персонажи настолько уважают мыслительную деятельность, что даже преподаватель, поняв правильность рассуждений своей ученицы, стал действовать по ее плану. Отрицательное отношение у персонажей вызывают недостаточные умственные усилия, неумение познать истину, отличить правду от лжи.

4. Особое воздействие мысли – она способна материализовать объекты, сделать их видимыми, осязаемыми. Приведем пример:

«He pulled the piece of parchment out of Harry's hand and set fire to it with his wand-tip. As the message curled into flames and floated to the ground, Harry looked around at the houses again. They were standing outside number eleven; he looked to the left and saw number ten; to the right, however, was number thirteen.»

'But where's -?'

'Think about what you've just memorised,' said Lupin quietly.

Harry thought, and no sooner had he reached the part about number twelve, Grimmauld Place, than a battered door emerged out of nowhere between numbers eleven and thirteen, followed swiftly by dirty walls and grimy windows. It was as though an extra house had inflated, pushing those on either side out of its way. Harry gaped at it» .

«Он забрал у Гарри пергамент и поджег концом волшебной палочки. Проводив взглядом до тротуара охваченный огнем листок, Гарри опять посмотрел на здания. Прямо перед ними – дом номер 11, левее – номер 10, правее – номер 13.

- Но где же...

- Повтори мысленно то, что ты сейчас запомнил, - тихо сказал ему Люпин.

Гарри так и поступил, и, как только он добрался до слов «Площадь Гриммо, 12», между домом 11 и домом 13, откуда ни возьмись, появилась выдавшая виды дверь, а следом – грязные стены и закопченные окна. Добавочный дом словно бы взбух у него на глазах, раздвинув соседние. Гарри смотрел на него с открытым ртом».

Другой пример – «Выручай-комната» в Школе чародейства и волшебства, которая появляется только тогда, когда кто-то в ней сильно и по-настоящему нуждается, думает о ней.

5. Волшебные манипуляции с сознанием.

Среди примеров такого рода – изобретение сладостей («обморочные орешки»), способных без ведома того, кто их употребляет, лишать его сознания.

Манипулировать сознанием Гарри Поттера на расстоянии пытался один из самых могущественных представителей Темных сил Лорд Волан-де-Морт. Мальчику стали сниться странные сны, в которых он превращался в какие-то существа, в других людей, в самого Темного мага. Сон становился явью, оставаясь, по сути своей, сном.

Можно сказать, что апофеозом книги «Гарри Поттер и Орден Феникса» становится борьба, которую темные силы вознамерились провести внутри сознания маленького волшебника. Поэтому таким важным оказывается предупреждение учителя: *«Помни: береги свое сознание...»*.

В Школе чародейства и волшебства преподают предмет *окклюменцию* – «магическую защиту ума от проникновения извне». Овладение ею требует огромного напряжения, усилий ума и эмоций. Волшебники говорят о *легилименции* – «умении

извлекать чувства и воспоминания из чужого ума». При этом те, кто овладели этим искусством, способны правильно интерпретировать добытые сведения. Светлые волшебники тоже способны вторгаться в чужую память – но только чтобы спасти положение, выручить кого-то из беды, отвести нависшую угрозу, сделать забывчивым предателя. В критической ситуации, будучи лишенным возможности передать тревожное сообщение напрямую, вслух, Поттер пытается мысленно воздействовать на того, кто может помочь.

6. В волшебной сфере, так же, как и в реальной, мысль соседствует с чувством, нередко переплетаясь с ней, подменяя одна другое.

7. Мысль способна оказать волшебное действие, например, прогнать смертоносных представителей темных сил, как в случае с нападением дементоров – демонов, отбирающих навсегда радость. Кроме того, мысль волшебников способна порождать некие сущности – боггарты, которые способны принимать вид их мечтаний, представлений, т.е. как бы реализовывать наяву различные мыслительные формы, воображаемые образы. При этом волшебники могут не только не быть властны над такими сущностями, но и способны искренне переживать, сильно расстраиваться из-за их появления, даже воспоминания о них мучительны.

Очень сильна мысль, даже не материализовавшаяся в слове, заклятие действует даже на мыслительном уровне.

8. Важность определенных «волшебных идей» и стремление строго их придерживаться.

Приведем пример волшебного наказания неправильной мыслительной деятельности:

*'Oh, it's a simple enough anti-jinx,' said Mr Weasley as they mounted the stairs, 'but it's not so much having to repair the damage, it's more **the attitude** behind the vandalism, Harry. Muggle-baiting might strike some wizards as funny, but it's an expression of some thing much deeper and nastier...'* – **«Простенькое контрзаклятие**, - сказал мистер Уизли, когда они стали подниматься по лестнице. – Дело не столько в том, чтобы исправить вред, сколько в **образе мыслей**, который стоит за хулиганством. Досаждать маглам – это кое-кому из волшебников может казаться забавным, но здесь проявляется что-то куда более глубокое и зловредное...».

9. Несовершенство магических существ, волшебных предметов и их возможностей, связанное с мыслительными способностями; ложь волшебников. Так, накануне ответственных экзаменов в конце пятого курса в Школе чародейства и волшебства, называемых СОВ, процветала торговля из-под полы «различными средствами, способствующими повышению концентрации ума и внимательности», например, «эликсира Баруффио для интеллектуального роста» и т.п.

11. Отношение к «норме» и «ненорме» как речевой маркер мыследеятельности.

Интересно отметить, что несмотря на обилие волшебных существ, явлений, действий, которые со стороны реального мира выглядят как «ненорма», как существенное отклонение от нормы из разряда невозможного, у волшебных героев книг о Гарри Поттере есть и свое представление о том, что такое «нормально» и что – «ненормально», невероятно. То есть представления о допустимом и правильном в их картине мира несколько иные, чем у людей в реальном мире. Так, «ненормальными» считаются те представители медицины (маглы), которые лечат так, как мы привыкли в реальном мире: аллопаты, хирурги и т.п. А «нормальными» – те, что исцеляют при помощи волшебства, с помощью мыслей и слов – заклинаний, заговоров, а также волшебных снадобий и зелий и т.п.

Изучение специфики репрезентации мыслительной деятельности в языке художественных произведений, в том числе жанра фэнтези, нуждается в продолжении детальных исследований.

Литература:

1. Кобрина Н.А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С.5-10.
2. Медведева А.В. Лингвистические рефлексии физиологических ощущений и состояний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 84-91.
3. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь. Уфа, 1998.
4. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.
5. Кобозева И.М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С.95-104.

6. Пименова М.В. Семантико-синтаксический аспект ментальных глаголов (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
7. Мишин А.А. Концепты ум и глупость в немецкой и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2007.
8. Красина Е.А. Иллокутивная сила и иллокутивная цель высказывания // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Мат-лы Всерос. науч. конф. М.; Пенза, 2001. С.99-100.
9. Распопова Т.И. Оптативные и побудительные предложения (к проблеме дифференциации) // Синтаксис русского предложения. Воронеж, 1985.
10. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в когнитивно-дискурсивном аспекте // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Тамбов, 2005. С.310-323.
11. Плива Е.П. Концептуализация ментальных актов и состояний в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005.
12. Руденко Е.Н. Глаголы когнитивной деятельности русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка. М.: МГУ, 2004. С.139-140.
13. Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации ментального поля) // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993. С.23-40.
14. Складчикова Н.В., Гаврилова Н.В., Логунов Т.А. Интериоризация в концептах мыслительного процесса // Менталитет. Концепт. Гендер. Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 7. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. С.138-142.
15. Вендлер З. Сингулярные термы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
16. Усачева А.С. Класс глаголов интеллектуальной деятельности как формально-содержательный элемент идиостиля (на материале русскоязычных стихотворений И. Бродского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
17. Семьехина А.А. Глаголы ментальной деятельности в выражении уверенности и категоричности высказывания // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. – Тамбов, 2005. С.415-417.

18. Шамина О.В. Концепт мудрости в русском, английском и немецком языках // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Мат-лы Всерос. науч. конф. М.; Пенза, 2001. С. 75-76.
19. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
20. Ирхин В.Ю., Кацнельсон М.И. Крылья Феникса. Введение в квантовую мифофизику. Екатеринбург, 2003.
21. Капкова С.В. Лингвистические средства выражения комического и эксцентрического в языке современной детской английской литературы и специфика их перевода на русский язык (На материале произведений С. Миллигана и Дж. К. Роулинг): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.